

Леонид МАХЛИС

«ТАНГО» В АНГЛИЙСКОМ САДУ

Двадцать пять лет назад в центре Мюнхена прозвучал мощный взрыв, частично разрушивший здание «Радио Свобода/Радио Свободная Европа». Без малого сорок лет сотни журналистов американской радиостанции жили в условиях психологического и физического террора, чинимого КГБ, ибо что еще, кроме плаща и кинжала, мог предложить СССР своим западным оппонентам? Только избавившись в 1988 году от электронного кляпа, РС/РСЕ получили безоговорочное признание в странах вещания как институция, сыгравшая важную гуманистическую роль в формировании демократического сознания сотен миллионов человек. Своими мыслями делится бывший редактор Русской Службы Леонид Махлис, без малого четверть века проработавший на «Радио Свобода».

На войне как на войне

1 августа 1973 года я стал кадровым участником психологической войны. Понятие *психологической войны* – сравнительно новое, его первое определение зафиксировано в Словаре Уэбстера в 1951 году (*Webster's New International Dictionary of the English Language, Springfield, Mass., 1951*). На первых этапах она определялась как «применение любых нелетальных средств воздействия на мораль и поведение той или иной группы в специфических военных целях». Позднее эта дефиниция претерпела ряд последовательных изменений, главное из которых состояло в том, что из определения навсегда убрали привязку к (традиционной) войне. На деле это переосмысление подразумевало начало холодной войны, которую часто необоснованно отождествляют с ПВ: холодная война – это глобальная война между коммунизмом и свободным миром. Западных политиков этот термин раздражал. Англичане, которые считают себя непревзойденными мастерами этого жанра, предпочли заменить термин «политической войной». Но и многие американцы считали оба термина неудачными, поскольку они не отражают усилий США и их союзников, на-

правленных на построение мира и свободы во всем мире.

В советской доктрине ПВ (если такая вообще существовала) западные эксперты усматривали непостижимую мистическую тайну, нечто сродни пресловутой «загадочной русской душе». Русские, казалось, проявляли мало интереса и к западной доктрине ПВ. Для Запада ПВ – это война посредством слова. Для большевиков слово как средство борьбы за умы – пустой звук. ПВ для большевиков – это организационная война боевой партии, сочетающей в своей стратегии слово и дело, и понять ее методы можно, лишь памятуя о конечной цели – раздуть мировой пожар, а затем...

«Успех диктатуры пролетариата стал возможен, потому что большевики знали, как сочетать принуждение с убеждением...». СССР никогда не расставался с этим заветом Ильича. По откровенному замечанию Зиновьева, для большевиков пропаганда – это инструктаж.

Советы вообще не проводили четкой границы между политической активностью и военной. Они ведь не вступали в полемику с нами, не набрасывались на факты, на ошибки, не боролись за умы тех самых налогоплательщиков. Их участие в ПВ ограничивалось больше делом, чем словом: публикации были нацелены исключительно на лобовую дискредитацию противника, а внедрение агентов, вербовка сотрудников, распространение слухов, подбрасывание листовок, политические убийства, анонимные угрозы по телефону и организация терактов – все это не имеет отношения ни к пропаганде, ни к психологической войне как ее понимают американцы.

Далеко не все американские эксперты после войны понимали и осознавали это различие. Некоторые призывали отказаться от методов ПВ как «противоречащих американскому образу жизни, взятых из реквизита тоталитарных режимов». Их оппоненты уверяли, что сама «Декларация Независимости» была пропагандистским документом.

Искусство пропаганды не в распространении лжи, а в корректном отборе правды, которую ты хочешь донести, и в аккуратном смешивании ее с другими *правдами*, которые от тебя ждет слушатель-индивидуум. Индивидуализм – это первый акт неповиновения тоталитарному режиму, а человек, осознавший, что он имеет право на свое собственное мнение, – уже борец. В этом контексте радио – опасное изобретение. Это – детектор лжи. Я слышал, как один из старейших ветеранов «Свободы» режиссер Анатолий Васильевич Скаковский поучал диктора: «Вы знаете, голубчик, у микрофона должно быть больше тепла. Мы должны

быть гостем в доме слушателя, а не учителем». Его подопечный начинал модулировать своим красивым голосом, чтобы понравиться слушателям. Выходило совсем скверно – люди не всегда понимали, что слушатель ждет эмпатию, а не симпатию. В условиях отсутствия обратной связи человеку у микрофона следовало бороться со многими соблазнами. Он не должен переоценивать собственную миссию и недооценивать уровень восприимчивости слушателя. Необходимо было постоянно помнить о том, что слушатель привык жить в условиях недоверия и подозрительности ко всем и ко всему. Подходя к микрофону, журналист РС должен был помнить, что у слушателя есть более насущные повседневные проблемы, чем предлагаемая ему информация, как бы важна она ни была. Но самую серьезную психологическую проблему представляла собой традиционная подозрительность аудитории по отношению к эмиграции в целом. Советские СМИ десятилетиями не жалели усилий, чтобы вбить клин между соотечественниками «за рубежом» и «в рубежах». Навести мосты, заставить слушателя поверить в то, что человек у микрофона идентифицирует себя с этим слушателем и не меньше его заинтересован в лучшем будущем – этому журналистов не учили ни в американских, ни в советских университетах. Преодолеть этот барьер недоверия можно было только, заслужив репутацию честного и бесхитростного собеседника. А творческий коллектив РС никто не натаскивал по части методов пропаганды в условиях психологического и физического террора. Среди мюнхенских участников ПВ днем с огнем не сыскать было ни психологов, ни бойцов, обстреливающих словами врага, пока настоящие бойцы вышли перекусить. Сами до всего доходили.

Знакомый журналист «Голоса Америки» жаловался, что они парализованы географической удаленностью от аудитории: «Случалось, что журналисты не видели своей аудитории несколько лет». Что же о нас говорить? Мы работали без обратной связи десятилетиями. Если не считать обратной связью газетные пасквили, вымазывавшие дегтем беспардонной лжи журналистов, не считаясь даже со здравым смыслом (автора этих строк, родившегося в 45 году в Москве и жившего там до 71, называли то *гестаповским выкормышем*, то *бывшим* выпускником МГУ, то *основоположником новой формации изменников*). «Компромат» вызывал смех, но смех нервный. Вот от этого нерва и следует вести отсчет целям и методам противодействия, которые практиковали антисвободовцы на Лубянке.

Из России с «любовью»

Стремление КГБ и братских спецслужб к разрушению единственного канала неподцензурной информации и самиздата было всесокрушающим. В чем же таилась эта привлекательность РСЕ/РС для разведслужб империи зла? Советские публикации вызывали зубную боль своей похожестью друг на друга. Доверенным авторам оставляли место для фантазии лишь в рамках строго отобранной КГБ и обработанной информации (вернее сказать, дезинформации), так что их можно понять – основным руководством для журналистов были предыдущие публикации и словарь синонимов. Надо сказать, что и немцы, под влиянием левой прессы, высказывались не всегда лестно в адрес американской радиостанции, разбросавшей свои шатры у самой «Китайской башни» – любимого места летнего отдыха мюнхенцев в Английском саду. Репутация «шпионского гнезда» укреплялась с каждым годом. Люди не задумывались над тем, что у шпионов было куда больше причин гнездиться вокруг «Сименса» или БМВ. И в то же время, подобные предубеждения имели под собой почву.

Действительно, на первый взгляд, кажется нелепой засылка агентов на «Свободу», чтобы выкрадывать «секретные» документы. Все «секреты» этой организации утрачивали свою «секретность» через несколько минут после того, как выходили из пишущих машинок их авторов. Они попросту передавались дикторам, которые отправлялись в студию и делали их достоянием миллионов. И чем больше людей их услышит, тем эффективней считалась наша работа.

По данным отдела исследования аудитории середины 80-х годов около 11 миллионов советских граждан, по меньшей мере, раз в неделю слушали РС. Конечно, на Лубянке были цифры понадежней, где-где, а там-то уж знали подлинную цену статистике и эффективности западного вещания. Одними глушилками или, по официальной ведомственной терминологии, «средствами радиоподавления» тут не справишься. Кстати, о глушилках. По данным, опубликованным газетой «Таймс», СССР затрачивал в течение одной пятидневки на глушение западных радиостанций больше, чем английскому правительству обходилось вещание на русском языке в год. Американские эксперты подсчитали, что только в 80 году СССР в буквальном смысле выбросил на воздух 93 миллиона рублей. В середине восьмидесятых правительственная комиссия США даже рекомендовала создать экспертную группу для научной разработки техники антиглушения. Но и в

этом случае в работе РС оставались бы другие помехи, устранить которые была бессильна даже наука.

Разложить радиостанцию изнутри – вселить в людей страх, дискредитировать наиболее эффективных сотрудников по части их лояльности к администрации, посеять взаимное недоверие – в этом КГБ бесспорно достиг крупных успехов.

Впервые позывные РС прозвучали 1 марта 1953 года, по иронии судьбы, именно в тот день, когда роковой удар постиг вождя народов И.В. Сталина. Радиостанция была создана под эгидой ЦРУ и много лет существовала в основном на отчисления из бюджета американской разведки. Это обстоятельство в известной мере облегчало задачу советской контрпропаганды и внешней разведки. В 1971 году РС и РСЕ были официально объявлены частными корпорациями. Бюджет обеих станций с тех пор утверждается Конгрессом США, сотрудники де-факто получили статус государственных служащих США, возрос престиж станций, а общий тон вещания изменился в сторону объективности и сбалансированности информации. А после Хельсинкского совещания в 77 году Соединенные Штаты даже предложили Москве присылать своих журналистов для участия в программах РС и 1971 год был переломным для РС не только ввиду смены вывески на фасаде. С ржавым скрипом приподнялся железный занавес, из-за которого на Запад хлынул поток эмигрантов так называемой «третьей волны». Для американской администрации представилась уникальная возможность близко познакомиться с многолетними слушателями РС, а также омолодить штат русской и некоторых национальных редакций. До того кадровая политика была в известном смысле беспомощной, зажатой в прокрустовом ложе исторически сложившихся условий. Редакции и другие языковые службы были укомплектованы либо потомками эмигрантов времен Гражданской войны, либо бывшими советскими гражданами, бежавшими с немцами во время Второй мировой, либо бывшими военнопленными, оставшимися по разным причинам на Западе. Даже легкий акцент или косноязычие не всегда были препятствием для будущих дикторов. «У нас, знаете, тот, кто умел печатать на машинке, считался журналистом, а тот, у кого была своя машинка – уже писатель». – Пошучивал все тот же Анатолий Васильевич. Кадровый состав на первом этапе существования радио, бесспорно, влиял на ее популярность. Западное происхождение одних русских и коллаборационистское прошлое других делали РС легкой добычей советской пропаганды. С появлением первых ласточек «оттуда» в американское радиовещание на СССР пришли новые люди, новые идеи, новые темы. Мог ли в

этих условиях КГБ оставаться в стороне? Чем же промышляли его агенты на «Свободе»?

В 1972 году на РС появился высокий бритоголовый мужчина по имени Юрий Марин. За пять лет до этого, работая переводчиком в одном из советских представительств в Нью-Йорке, Марин попросил в США политическое убежище. За время работы диктором на РС Марин успел немного: женился на израильтянке, эмигрантке из Грузии, устроил десяток-другой шумных пооек, во время которых с увлечением щелкал затвором фотоаппарата «Киев». В день окончания своего медового месяца Марин загадочным образом исчез, доставив изрядное беспокойство покинутой жене. Ясность внесла телеграмма, полученная два дня спустя из... Будапешта. В ней говорилось: «Не пытайся меня разыскивать. Пришло время мне вернуться на родину к моей семье. Зайди на радио и получи мою зарплату за последний месяц». Вскоре в советских газетах стали появляться «разоблачительные» статьи «о подрывной деятельности РС» за подписью Марина, в которых Джеймс Бонд-многоженец был представлен как отважный разведчик, чуть ли не с риском для жизни выполнивший опасное задание родины.

Примерно в той же роли выступила Майя Гриневская. В отличие от Марина, она выехала в 72 году по израильской визе, пыталась устроиться на радио редактором, но не выдержала испытательного срока и была уволена за профнепригодность. После этого она стала активным деятелем т.н. «патриотического общества соотечественников» во Франкфурте, активность которого направлялась из Москвы. 2 февраля 1978 года в «Известиях» было помещено интервью с Гриневской, предваренное сообщением о том, что «учитывая ряд факторов и обстоятельств», семье Гриневских разрешили вернуться на родину.

Было ясно, что КГБ будет и впредь стремиться внедрять своих людей на РС. Должен же кто-то добывать для советских журналистов пикантные подробности о личной жизни сотрудников, разжигать межнациональные страсти, сеять нарушающие душевное равновесие слухи до тех пор, пока не поручат

Настоящее дело

В субботу, 21 февраля 1981 года, в 21 час 55 минут обширный жилой район, прилегающий к западной части Английского сада – огромного городского парка в Мюнхене – потряс мощный взрыв. Взрывная волна, выбившая стекла домов в радиусе 700 метров, разрушила значительную часть здания, которое занимали

РС/РСЕ. Подойти к зданию в те годы ничего не стоило – не было никаких заборов, внешней охраны и видеокамер наружного наблюдения, не было пресловутой колючей проволоки. Только что назначенный на должность офицер службы безопасности Ричард Каммингс (прозванный после взрыва «безопасным офицером») был озадачен тем, что даже наружное освещение здания обеспечивалось всего тремя лампами по 50 ватт каждая. Его любопытство по этому поводу было сполна удовлетворено: внешнее освещение, в соответствии с немецким *орднунгом*, «не должно беспокоить жителей близлежащих домов». Обязанности двух вахтеров были четко разграничены – один отвечал за соблюдение правил парковки автомобилей на территории Радио, второй каждые 18 минут совершал обход здания. Такой режим «охраны» делал задачу террористов детской игрой в казаки-разбойники. Заложенный со стороны фасада 20-килограммовый заряд взрывчатки почти полностью разрушил помещения чехословацкой, русской, грузинской редакций, телефонный узел и мастерские радиоэлектронного оборудования. В момент взрыва в здании, вмещающем в обычные рабочие часы около тысячи человек, находились не более 30 служащих. Только это спасло от неминуемой гибели десятки невинных людей. Результат – 4 сотрудника получили ранения (двое остались инвалидами), осколками стекла были ранены несколько жителей близлежащих домов. Материальный ущерб – более 2 млн. долларов.

Ни одна террористическая группировка не заявила о своей причастности к диверсии, если не считать несколько телефонных звонков в русский (?) отдел новостей с дополнительными угрозами. Анонимы говорили по-немецки с сильным славянским акцентом.

Передачи прерваны не были. На следующий день все служащие явились на работу, как обычно. Их взору открылась жуткая картина. Люди молча перебирали остатки уцелевшего имущества и архивов в своих бывших кабинетах, извлекая из-под груды битого стекла и штукатурки книги и магнитофонные ленты. Кино- и телерепортеры деловито перетаскивали съемочную аппаратуру из комнаты в комнату, осматривая рухнувшие перекрытия. Работа редакций пошла, однако, своим обычным порядком, несмотря на неудобства, связанные с перенаселением уцелевших рабочих помещений, отсутствием телефонной связи, холодом из-за вырванных с корнем оконных рам, нехваткой оборудования.

Прибывшая на место группа экспертов из 38 человек смогла лишь установить, что это дело работы рук профессионалов, а не любителей. Первое осторожное заключение баварской крими-

нальной полиции звучало так: «Мы допускаем, что нападение было совершено иностранными агентами». Затем появились сообщения о румынском следе, чешском. После долгой охоты был схвачен Карлос, звезда международного терроризма, которому в числе прочего вменяли в вину роль исполнителя этого злодеяния. Иное мнение на этот счет иезуитски пыталась навязать советская пресса. Среди первых откликов международной печати промелькнуло сообщение ТАСС. В нем утверждалось, что мюнхенский взрыв был устроен... самими служащими радиостанции, сводившими между собой счеты.

С тех пор пройдет много лет, прежде, чем созреет окончательная версия преступления.

Операция «Мюнхенское танго»^{*}

Адскую машину, установленную у внешней стены здания РС/РСЕ испанским террористом из организации баскских сепаратистов ЭТА, привел в действие с помощью дистанционного управления швейцарец Бруно Бреге. Головорезу не было и двадцати, когда в 1970 году израильский суд приговорил его к 15 годам заключения за попытку провезти в страну взрывчатку для палестинских террористов. Этот фанатик, член швейцарской террористической организации «Prima Linea» («Линия фронта») по кличке Лука, обогатившись за время отсидки приличным ивритом, был досрочно освобожден в 78 году, но лишь для того, чтобы пополнить ряды международной террористической банды венесуэльца «Шакала Карлоса» (Ильич Рамирес Санчес). Впрочем, происхождение действующих лиц не имело никакого значения – это был подлинный интернационал – в осуществлении кровавого замысла участвовали также баски, активисты итальянских Красных бригад, Народного фронта освобождения Палестины, немецких «Революционных ячеек», и другие. Рабочим языком был, как и полагается, английский. На этом языке и прошло 14 ноября 1980 года секретное совещание-инструктаж боевой группы в Будапеште, который Ильич избрал в качестве своей оперативной базы. Между прочим, сохранилась двухминутная видеозапись, на которой Карлос вполне лихо объясняется по-русски с гостеприимными венгерскими хозяевами. Выбор, по

---

^{*} В этой главе использованы следующие источники: Patrick Bellamy. Carlos the Jackal: Trail of Terror, Crime Library (http://www.crimelibrary.com/terrorists_spies/terrorists/jackal/15.html); Richard Cummings. The 1981 Bombing Of RFE/RL (<http://is.ci-ce-ct.com:85/article/showquestion.asp?faq=3&fldAuto=807>); Colin Smith. Extracts of Carlos – Portrait of a Terrorist. (http://www.colin-smith.info/pages/books/extracts/carlos/extract_03.htm) и др.

данным секретных документов «Штази» (в ГДР группа Шакала проходила под собственным кодовым названием – «Сепарат»), был мотивирован «благоприятными условиями связи, либеральным пограничным контролем, дружескими отношениями с министерством иностранных дел и другими правительственными организациями». Эти «дружеские отношения» трудно было переоценить – венгерская служба безопасности (в службу и в дружбу) любезно предоставила для тайного совещания надежный дом с охраной.

К этому моменту уже было проведено предварительное наблюдение за зданием мюнхенского радио. Результаты наблюдения в виде нескольких фильмов и десятков фотографий были продемонстрированы участникам акции. Из отчетов следовало, что в 9 часов вечера в помещении продолжают работу около 20% служащих, то есть не менее 200 человек. К счастью, эта оценка была завышена в 7 раз.

Немецкое крыло группы «Сепарат» (Карлос предпочитал величать ее «Организация арабской вооруженной борьбы – десница арабской революции») было представлено боевой и (по совместительству) интимной подругой Шакала Магдаленой Копп (кличка «Лилли»), экспертом по поддельным документам, и адвокатом из Франкфурта Йоханнесом Вайнрихом по кличке «Стив», координировавшим работу 40 европейских боевиков Карлоса. Вайнрих успел засветиться еще в 1974 году, когда он арендовал в Париже автомобиль, который был использован в ракетном обстреле пассажирского самолета Эль-Аль в аэропорту Орли. Конспекты будапештского совещания, сделанные рукой Вайнриха и осевшие в архивах Штази, и позволили реконструировать дальнейшие события. Сразу по окончании совещания группе предписывалось отправиться к месту операции и дожидаться доставки взрывчатки, оружия и прочего необходимого снаряжения, продолжая наблюдение за объектом. Карлос приказал группе провести под руководством Стива репетицию теракта, а сам отправился в Бухарест, откуда вскоре в распоряжение банды поступила взрывчатка, 8 переговорных устройств, 9 пистолетов, в том числе два с глушителями, и пять гранат на случай, если группе придется после завершения операции отбиваться от мюнхенской полиции. Подарки были доставлены сотрудником румынской госбезопасности по кличке Андре.

Дата операции была назначена на 14 февраля. По невыясненным причинам, позднее она была передвинута на две недели.

Скрываясь после теракта, террористы бросили в 200 метрах от радиостанции легковой *форд* с французскими номерами. Только

через несколько месяцев полиция вскрыла машину и обнаружила в ней пять ручных гранат.

После взрыва Стив позвонил Шакалу и Лилли, чтобы рапортовать об успехе операции. Примечательно, что, получив сообщение, Карлос немедленно вылетел с докладом в Бухарест, где, согласно материалам Штази, принял поздравления от высших чинов румынской разведки. Это наводило на мысль о том, что именно Чаушеску был непосредственным клиентом Карлоса. При том, что все без исключения режимы, сплотившиеся вокруг Варшавского договора, в одинаковой мере страдали от информационной войны на коротких волнах, тщеславный Чаушеску был наиболее уязвим. Что же касается роли спецслужб остальных соцстран, то здесь сведения остаются размытыми. В секретном докладе Штази от 28 апреля 1981 года в связи с арестом в ФРГ другого швейцарского террориста говорилось: «...Он осведомлен о подготовке и реализации нападения на Радио Свободная Европа. Если он проболтается... соцстраны окажутся перед лицом большой опасности». А в мае последовали экстренные многосторонние консультации между братскими спецслужбами на высоком уровне и совместное решение «убедить» Карлоса переместить место своего базирования подальше от Восточной Европы, например, на Кубу. При этом ему гарантировалась возможность ре-экспорта своего арсенала и неограниченного транзита. Дело выглядело так, что КГБ и его братья по лагерю стремились сохранить с Шакалом «связь без брака». По крайней мере, один из офицеров этих служб был уличен в прямом сотрудничестве с Карлосом при подготовке взрыва на РС/РСЕ и впоследствии понес наказание. Участник упомянутой консультативной встречи восточно-германский генерал-майор Гельмут Фойгт, начальник отдела Штази, ответственного за «терроризм», после падения Берлинской стены ушел в подполье, и в 1992 году был обнаружен и арестован в Греции. В 1994 году он предстал перед судом ФРГ. Бывший генерал внешней разведки КГБ Олег Калугин хвастал, что он был архитектором этой операции. (Примечательно, что в 90-е годы «демократ» Калугин не раз и не два был почетным гостем РС и даже участвовал, по приглашению руководства РС/РСЕ, в праздновании 40-летия радиостанции в Центральном доме литераторов в Москве).

«Вам посылка из Шанхая»

После террористического нападения на штаб-квартиру РС/РСЕ в жизни радиостанций начался новый этап, полный тревог и размышлений. Психологи утверждают, что не существует

прививки от панической реакции - страха. История кишит примерами больших и малых побед, достигнутых лишь благодаря искусному применению этого оружия. Что уж говорить о мирных интеллигентах, «свивших свое гнездо под теплым крылышком ЦРУ»? Практика – критерий истины. После такой артподготовки и дела с персональной агентурной разработкой должны были пойти на лад.

Вербовочные методы в отношении сотрудников «Свободы» были традиционными, применялись часто, хотя многие кандидаты на разработку, по вполне понятным причинам, предпочитали об этом помалкивать. В общих чертах это происходило так. В качестве первого шага применялись вербовочные письма от родственников или близких знакомых. Родственники сообщали, что у них есть возможность выехать за границу, и договаривались о встрече. В нужный момент к семейному торжеству присоединялся другой участник туристической группы, который и излагал суть дела. Случалось (при индивидуальной поездке), что деловая часть поручалась непосредственно родственнику.

В начале 80-х невозвращенцу АА, работавшему редактором на РС, позвонила сестра. Ее «посылали» в Вену на международную конференцию. Она была взволнована представившейся возможностью впервые за много лет увидеть брата. Назвала гостиницу и время, когда она будет его ждать в ресторане. АА понимал, что эта встреча с сестрой может стать последней, поэтому отказаться не мог и не хотел, хотя догадывался, что за ней могут стоять сюрпризы. АА попросил коллегу ЖБ сопровождать его в Вену и во время встречи находиться поблизости, наблюдая со стороны за развитием событий. Предчувствие не обмануло АА. Через несколько минут после встречи с сестрой за их столик подсел молодой человек. Сестра представила его как участника конференции по имени Гена, у которого есть вопросы к брату. Разговор был недолгим, но весьма конкретным. Гена от имени компетентных органов предложил АА прощение всех грехов, если АА примет предложение о сотрудничестве. АА отказался от продолжения беседы и стал спешно прощаться с сестрой. Перед его уходом Гена успел добавить, что в таком случае АА должен сменить работу, если ему не безразлична собственная судьба. АА принял угрозу всерьез и через некоторое время подал заявление об увольнении. Этот сценарий с небольшими вариациями я слышал от нескольких сотрудников «Свободы».

С одним из них я был дружен многие годы, но только совсем недавно он признался, что у него было несколько встреч с агентами КГБ. Его мама, жившая в одной из союзных республик, на-

значила ему встречу в Восточном Берлине. В то время мой приятель работал на РС внештатно и поэтому не был, как мы, стеснен обязательством не пересекать границ стран Варшавского договора из соображений собственной безопасности. Мама оказалась весьма ценным посредником. Она поведала ему, что перед отъездом с ней долго разговаривали в органах и просили уговорить сына «подумать о старых родителях», и со слезами на глазах умоляла сына прислушаться «к здравому смыслу» и согласиться на сотрудничество. Сын прислушался, и следующая встреча с мамой проходила уже в Варшаве в присутствии новых «членов семьи». Новые знакомые были прекрасно информированы о нашей с ним дружбе, поэтому для начала попросили ответить на ряд вопросов о моей жизни, о семье, о передвижениях, отношениях с коллегами. (В этом месте повествования приятель наивно успокоил меня, что он не сказал обо мне ни одного худого слова). Затем ему поручили время от времени присылать по определенному адресу художественные открытки. Текст не имел никакого значения. Информация обо мне, которая их интересует, должна быть закодирована в художественной тематике самих открыток – трафаретные приветствия ко дню рождения, годовщине свадьбы. Например, розы означали изменение в моем отношении к приятелю, подозрительность и дистанцирование. Изображение архитектурных достопримечательностей Мюнхена – длительный отпуск и т.д. Нетленная техника связи, разработанная и использованная еще жившими в эмиграции эсерами.

Да что уж там – сам шеф службы безопасности РС/РСЕ Ричард Каммингс жаловался, что за 15 лет работы на радио под него 8 раз подбивали клинья с целью вербовки.

Да и мне пришлось испытать давление вербовщиков. Это было в 1975 году. Мой отец, никогда не покидавший СССР, подал прошение о частной поездке к сыну в ФРГ. Его пригласили в московский ОВИР, завели в укромный кабинет. Человек, с которым шла беседа, представился полковником КГБ из подразделения, ведающего делами Радио Свобода.

– Мы знаем все о вашем сыне. Мы знаем, что сейчас он работает на РС, знаем, что его весьма ценит начальство. Мы готовы дать вам возможность повидаться с сыном, но и вы должны нам помочь. Вам следует уговорить его на сотрудничество с нами. Объясните ему, что это и в его и в ваших интересах. Если он согласится, мы организуем для него встречу с нашими людьми в какой-нибудь нейтральной стране, например, в Вене, и от них он получит дальнейшие инструкции. Согласны?

– Я готов ему передать ваши слова, но не могу поручиться,

что они его вдохновят.

– А вот это уже ваша задача – убедить сына в том, что такое сотрудничество в интересах его и вашей безопасности.

– Вы хотите сказать, что его отказ повлечет...

– Нет, нет, – успокоил собеседника полковник. – Вы не совсем правильно меня поняли. Мы никому не угрожаем. Это не наши методы. Наша задача – убеждать, воспитывать, помогать. Ну, а если он откажется – насильно мил не будешь – посоветуйте ему уйти с работы и подыскать что-нибудь другое. Поверьте, Радио «Свобода» – не самое безопасное место работы.

Отец гостил у меня две недели. Наша следующая встреча с ним состоялась в 1989 году. Отныне его ежегодные прошения о встрече с детьми отправлялись в корзину. Мои посылки и письма часто не доходили. Несговорчивость была наказана 14 годами без права переписки.

Слухи

Слухи – потенциально полезное психологическое оружие, поскольку их источник остается невыясненным и они не оставляют письменных свидетельств. Кроме того, они не нуждаются в формальной системе коммуникации для своего распространения. Достаточно непосредственного дружеского общения в атмосфере взаимного доверия. Особенно подходит для использования в примитивной среде. Немцы активно пользовались этим методом через агентов влияния во время войны.

На РС слухи использовались в основном для дискредитации эффективных сотрудников. Слухи о предстоящей смене начальства и закрытии вещания – *самое то*. Они вызывали бурные и продолжительные дебаты и шептание по углам. Агентов-шептунов, разумеется, за руку не схватишь.

Слухи живут недолго, и об их эффективности судить трудно. Но задача реалистична – замедлить рабочий процесс, возбудить подозрительность, страх за свое рабочее место и годами отстраиваемую нишу, неуверенность в завтрашнем дне.

Шептунами оказываются самые неожиданные люди. Они включаются в «шептунскую» кампанию с полуоборота из добрых побуждений или от переизбытка «информации». Слухами люди питаются, и как любой продукт, пропущенный через тело, они рвутся наружу. Слухи будят фантазию, обрастают подробностями и начинают жить своей жизнью. Так, едва ступив на РС, я узнал, что руками советских агентов в кресла нежелательных сотрудников зашивается кусочек радиоактивного кобальта. Глядишь – че-

рез несколько месяцев еще вчера цветущий человек умирает от рака. Я узнал об этих кошмарах от добрейшей ЗВ. Она сообщала мне об этом таким спокойным и тихим, материнским голосом без всякой аффектации, что ей невозможно было не верить. Все последующие годы, подходя к своему столу, я невольно задерживал взгляд на стуле, прежде чем приблизиться к рабочему месту.

Ее муж АМ, бывший политзэк с 15-летним стажем, при каждой встрече зажимал меня в угол и призывал к бдительности. Он по-отечески учил меня распознавать агентов. Его метод был прост, как репа, – «все шпионы – педерасты и все педерасты – шпионы».

– Ты учти, что резидентура всех стран комплектуется из гомиков, потому что они ведут замкнутый образ жизни и вызывают меньше подозрения.

Он говорил внятно, часто поглядывая по сторонам, и ссылаясь на авторитетные источники (журналист все-таки). И вот я уже присматриваюсь к коллегам с иной сексуальной ориентацией и нахожу, что АМ, пожалуй, дело говорит.

Интересно отметить, что даже побег провалившегося агента КГБ Олега Туманова в феврале 1986 года был использован для нагнетания слухов. Покинув *кантину*, где бурлили страсти и перемалывалась сенсационная новость, натыкаюсь на группу возбужденных женщин. Коридор заполняет театрально-неторопливый, барский голос режиссера ВД:

– А я вам говорю, что никуда он не сбегал. Все это выдумки и небезобидные. Убили его, нашего Олежка. Я знаю из верных источников.

Стараюсь пройти мимо незамеченным, проскользнуть тенью, чтобы не спугнуть Мысль.

– Что «кто»? Словно, сами не знаете. Третьевопновики, конечно. Он у них давно поперек горла. И это только начало, нас всех теперь это ждет, если ничего не предпринять. «Третьевопновики» – это – эвфемизм для евреев «третьей волны» эмиграции. Это я убил Олежка. Оборачиваюсь, пораженный, и встречаю решительный, глубокопатриотичный взгляд ВД – «подождите, за все, мол, ответите...»

Наглядная агитация

Время от времени в коридорах «Свободы» можно было услышать шелест листовок. В отличие от слухов, подбрасываемые агитки были ближе к традиционным средствам пропаганды, точ-

нее, к «разделительной» пропаганде, поскольку

1. ее можно было анализировать
2. в ней четко обозначен объект, которому надо внушить чувство неуверенности (чаще – евреи или те, кому приписывали принадлежность к евреям, иногда били и по своим, что придавало анонимке пикантность).
3. она должна была напомнить о чаяниях определенной группы сотрудников (обычно патриоты, обеспокоенные «засильем» «третьеволновиков»)
4. она рассчитана на углубление трещины между определенными группами сотрудников.

Листовка всегда чудовищно безграмотна. Но пользуется успехом – всем интересно. У копировальной машины выстраивается очередь. Однажды я провел следственный эксперимент. Было интересно, с какой скоростью распространяется слово. Я спародировал подброшенную накануне погромную листовку – она вызвала особое вдохновение. Получилось смешно. Уходя с работы, я оставил один единственный экземпляр на рабочем столе ВФ, в чувстве юмора которого я не сомневался. На следующее утро я нашел копию на своем столе, а в *кантине*, за утренним кофе люди уже покатывались со смеху. Включая тех, чьи интересы «защищал» оригинал, о котором вообще забыли. Выходка анонимщика была нейтрализована. Это навело на мысль о том, как надо впредь поступать с наглядной агитацией. Правда, мешало чувство брезгливости и полное отсутствие способностей к рисованию – ведь большинство листовок – карикатуры. В конце дня меня позвал в кабинет директор русской службы Герд фон Дёминг. Давясь от смеха, он показал мне мое творение: - Слушай, я не знаю, кто это сделал, но если ты узнаешь, передай ему, что это просто талантливо.

Стало быть, меня вычислили. Получается, что зря мы посмеивались над отделом безопасности, переименовав его в «безопасный отдел».

Оковы рухнут и...

Прошли годы. Побег Туманова с «боевого поста» в 86 году послужил озонатором рабочей атмосферы РС и как бы символизировал наступление новой эпохи в процессе международного обмена информацией. В 88 году смолкли глушилки. Не дожидаясь указаний сверху, к РС потянулись люди с неподдельными советскими паспортами – писатели, историки, журналисты, политики. В их багаже были не симпатические чернила, не рицин, не

бомбы, не пасквили. Они еще выделялись напряженными спинами в толпе туристов, прислушивающихся к звукам «Гибели богов» Вагнера на площади ратуши, но еще немного – и они сольются с европейским ландшафтом, чтобы окончательно рассеять заблуждение Антона Павловича Чехова, уверявшего, что «русский за границей – если не шпион, то дурак». Этим людям было, что сказать, а нам было, что послушать. В передачах РС зазвучали новые голоса. Счет добровольным сотрудникам РС по Союзу шел на десятки. Мой рабочий день теперь начинался не с коридорных и *кантинных* слухов, насаждаемых шептунами, о прекращении финансирования вещания, а с конструктивных телефонных «планерок» с московскими, ленинградскими, минскими корреспондентами Радио Свобода. Я начал подумывать о поездке в Москву. 20 лет работы с микрофоном без обратной связи – аномалия, которая ведет к изменению личности и к безответственности.

Такой шанс представился весной 1990 года. Приглашающей стороной был Союз композиторов СССР, с которым я договорился о публикации в Москве в рамках культурного обмена воспоминаний известного тенора Михаила Александровича. В советском консульстве приняли анкету «радиодиверсанта», и вскоре пришел ответ:

– Ваше имя – на списке нежелательных лиц. Мы ничем не можем помочь.

Я сообщил моим партнерам по культурному обмену об отказе. Те обратились в министерство культуры, министерство – в консульский отдел МИДа, откуда пришел телекс с указанием выдать визу «в виде исключения».

18 апреля, «расправившись круто с таможней», я благополучно добрался до гостиницы. У входа меня ждал сюрприз. На огромном стенде красовалась афиша Большого концертного зала Олимпийской деревни: «АНТЕННЫ НАПРАВЛЕНЫ НА ВОСТОК. Радиостанция «Свобода» - наши в эфире». Не пригрезилось ли? Звоню моему новому другу священнику Марку Смирнову, который к этому времени уже был одним из ведущих авторов наших религиозных программ. Тот смеется: – Да, представь себе, времена быстро меняются.

Мы договариваемся о встрече и едем в Олимпийскую деревню, где отец Марк представляет меня народному депутату СССР Юрию Черниченко и организатору вечера журналисту Феликсу Медведеву.

– Ваш приезд как нельзя кстати. – Говорит Медведев, пожимая руку. – Если вы не возражаете, я включаю в программу ваше вы-

ступление.

Я возражал – дело щепетильное, я – хоть и штатный редактор, но в Москве нахожусь с частным визитом, да к тому же – «персона нон грата», и представлять здесь американскую корпорацию без специальных на то полномочий мне казалось неэтичным. Предпочитаю расположиться не на сцене, а в зале среди полутора тысяч зрителей. Но и как зрителю мне понадобилось немало усилий, чтобы окончательно поверить в то, что все происходящее имеет ко мне прямое отношение.

При всех лестных эпитетах, которые прозвучали в тот вечер в адрес РС, было бы ошибкой представлять себе это событие лишь как череду запоздалых покаянных исповедей тех, кто долгие годы смиренно выслушивал потоки лжи и грязи в наш адрес. Это был политический форум на тему свободы (с кавычками и без). Запомнились наполненные болью слова Черниченко о том, что с русских равнин никогда не придет в Европу кризис перепроизводства. «У нас всегда будет чего-нибудь не хватать, – сказал он, – сейчас не хватает свободы». Зрители атаковали в своих записках организаторов упреками в том, что на вечере нет ни одного штатного сотрудника РС. Вообще интерес к собирательному образу сотрудника «Свободы» в записках перекрывал остальные вопросы. Кто они – «ангелы», радеющие о счастье соотечественников, или озлобленные антисоветчики, изменники, пауки в банке? И когда Медведев, не выдержав натиска, «сдал» меня на растерзание публики, люди радушно и искренне, вполне по-земному приветствовали «живого марсианина» аплодисментами, которые стихли только, когда я поднялся к микрофону. Пришлось заступиться за честь устроителей вечера, сказав, что винить надо не их, а те ведомства, которые по-прежнему стоят на пути нормальных человеческих контактов.

Я как уникальные реликвии храню многие из присланных мне в тот вечер записок. Самая короткая из них, увы, неподписанная, заполнила, наконец, тот пробел в обратной связи, который так мешал мне жить все эти годы, и дорисовала собирательный образ моего слушателя: «Разрешите пожать Вашу руку».

В тот приезд было много рукопожатий. Через полгода Феликс Медведев сообщил мне о подготовке второго вечера с тем же названием во Всесоюзном доме композиторов 26 октября 1990 года и, вероятно, в знак признательности за мое заступничество, предложил стать его со-ведущим. Я согласился. Были распространены пригласительные билеты и расклеены афиши. Но на этот раз заступиться за устроителей было некому. В визе мне снова отказали – «вы на списке».

«КГБ СССР возражений не имеет...»

Весной 1991 года в результате ходатайства издательства «Прогресс» после очередного отказа я получаю визу (по телексу с уже знакомым текстом «выдать в виде исключения»). Летом пришло новое приглашение. На этот раз – от Верховного Совета для участия в Первом Конгрессе соотечественников. Но для «компетентных органов» и парламент – не указ. «Вы на списке» – услышал я до боли знакомый ответ в консульстве. Но времена действительно менялись, хотя не так быстро, как этого хотелось бы. Михаил Толстой, депутат ВС и председатель оргкомитета Конгресса соотечественников, попросил вмешаться в производ «компетентных органов» председателя Комитета по международным делам ВС В.П.Лукина, который направил соответствующий депутатский запрос напрямую председателю КГБ В.В. Бакаину. Вскоре для меня было сделано новое исключение, и 18 августа, за несколько часов до путча, я приземлился в Шереметьево.

Спустя 2 месяца после моего благополучного возвращения в Мюнхен Лукин получил ответ на свой запрос, копию которого тут же отправил мне факсом. Документ этот, подписанный первым замом Председателя КГБ СССР А.Олейниковым, в надлежащем оформлении по сей день висит на стене моего кабинета:

«Уважаемый Владимир Петрович!

На Ваш запрос в отношении сотрудника радиостанции «Свобода» Махлиса Л.С. сообщаем, что КГБ СССР не имеет возражений против посещений им нашей страны.

Соответствующее уведомление направлено в Консульское управление Министерства внешних сношений СССР».

Примечательно, что эта охранная грамота ошибочно датирована 1992 годом. Но жить КГБ оставалось всего 11 дней. 3 декабря 1991г. Президент СССР М.С. Горбачев подписал Закон "О реорганизации органов государственной безопасности".

Мюнхен,
май, 2006